

ГЛАВА II.

Пороги. Древнія о нихъ свѣдѣнія. Судходство. Каналы. Способы проводить суда и плоты. Село Волошское. Встрѣча. Ненасытець.

Днѣпровскіе пороги, единственная важная помѣха судходства по этой рѣкѣ, извѣстны были уже и древнимъ, что видимъ изъ геродотова описанія Скиѳіи, но болѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія находимъ у Константина Багрянороднаго. Послѣдній приводитъ даже ихъ русскія названія, въ которыхъ однакоже намъ трудно распознать родной говоръ, по весьма естественной причинѣ искаженія грекомъ славянскаго выговора. Славянскій языкъ вообще не дался иностранцамъ, а потому и у позднѣйшихъ писателей о порогахъ, на примѣръ у Боплана, мы находимъ грубыя ошибки, повторяемыя и въ русскомъ переводѣ его сочиненія. Такъ на примѣръ, у Боплана рѣчки Супой и Самоткань названы Запоемъ и Замоканомъ, и переводчикъ, г. Э. У., слѣдуетъ тому же произношенію.

Хотя Днѣпръ зачастую любитъ мѣнять свое русло, засыпая пескомъ старое и прорывая себѣ новое, однако онъ это дѣлаетъ на мѣстахъ привольныхъ, а на порогахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не измѣнился отъ сотворенія міра, или вѣрнѣе сказать, отъ потопа, въ чемъ убѣждаетъ и нынѣшнее теченіе его въ крутыхъ берегахъ, въ иномъ мѣстѣ одѣтыхъ гранитомъ, а въ другомъ состоящихъ изъ цѣльныхъ скалъ этого камня. Вотъ почему удивительно у Константина Багрянороднаго описаніе прохожденія руссовъ чрезъ пороги. «Руссы, желавшіе отправиться для торговли въ Царьградъ, говоритъ онъ, собирались обыкновенно отъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода въ Кіевъ. Здѣсь, купивъ новыя суда или однодревки, ко-

торыя доставлялись въ Кіевъ кривичами и другими народами, обитавшими на сѣверъ отъ этого города, руссы спускались внизъ по Днѣпру до Вятичева. Тутъ оставались они до трехъ дней, пока все суда собирались къ этому мѣсту. Потомъ продолжали путь къ Днѣпровскимъ порогамъ. У перваго порога руссы выходили изъ судовъ: порогъ этотъ былъ чрезмѣрно узокъ (!) и весьма опасенъ, по причинѣ стремленія воды, съ которымъ она, ударяясь о камни, низвергалась съ ужаснымъ шумомъ. *Въ этомъ мѣстѣ назначенные люди шли по рѣкѣ въ бродѣ и ощупывали босыми ногами тѣ части дна рѣчнаго, на которыхъ находилось меньше камней.* Нашедши такой болѣе удобный проходъ, они извѣщали другихъ руссовъ, которые должны были по назначенному имъ пути проводить суда, *упираясь длинными шестами спереди, въ срединѣ и сзади,* и такимъ образомъ почти перетаскивали, съ величайшимъ трудомъ, свои лодки черезъ русло этого перваго порога. Потомъ все садились въ однодубки иплыли ко второму порогу, который былъ столь же опасенъ и затруднителенъ для прохода какъ и первый, опять высаживали людей и поступали съ судами какъ прежде. Такимъ же точно образомъ руссы переходили и третій порогъ. У четвертаго часть ихъ вооружалась и находилась на стражѣ, во все время перехода черезъ этотъ порогъ, потому что печенѣги обыкновенно здѣсь нападали на проѣзжавшихъ и грабили ихъ. Другая часть руссовъ выгружала товары, несла ихъ на себѣ на разстояніи 6000 шаговъ, и вела скованныхъ невольниковъ. Остальные руссы тащили свои суда, или несли ихъ на плечахъ до того мѣста, гдѣ уже можно было, безъ опасности, спустить ихъ на воду. Тутъ они снова нагружали лодки, садились въ нихъ иплыли къ пятому порогу, у котораго должны были проводить суда такъ же точно какъ при переѣздѣ черезъ первый порогъ. Проѣхавъ это опасное мѣсто, они должны были переѣзжать потомъ чрезъ два остальные порога, изъ которыхъ у шестаго руссы принуждены были поступать точно такъ же какъ у пятаго и наконецъ доплывали до Крарійскаго перевоза (нынѣшній Кичкась). Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно переѣзжали корсуняне, бывшіе къ русскимъ, и печенѣги, отправлявшіеся въ Корсунь. Здѣсь также руссы должны были приготовляться къ бою, потому что и тутъ нападали на нихъ печенѣги. Потомъ все челноки приставали къ острову Св. Георгія (Хортица) и оставались

нѣкоторое
данія и пр
libr. Const
ціанское и
Кто б
естественно
воды въ п
мало не из
мѣнилъ уже
историю, го
нія баровъ
Полою
проходить
безъ больш
флотъ Олега
плаванія и
провождені
ный лоцман
судно, быст
осторожности
барка къ ка
чаги не силь
ному вообра
менья барки,
кая человѣче
вающихся съ
въ такой быс
камни подним
ное». (Примѣ
Леклерка, соч
1788. Т. I, с
Что суда пр
гружалась—и
люди босыми
лись тамъ ше
уже очищать и
нее велѣдствіе
во многихъ соч
Боплана, котор

нѣкоторое время для приношенія жертвъ, бросанія жребія, гаданія и проч.» (A Banduri, Imp. Orient. T. I. pars II, Contin. libr. Const. Porph. de admin. Imp. Cap. IX, p. 49—50. Венеціанское изданіе).

Кто былъ на порогахъ, тотъ очень хорошо видитъ всю естественность подобной переправы, потому что какъ стремленіе воды въ порогахъ, такъ и самое ихъ положеніе, вѣроятно нисколько не измѣнилось до нашего времени. Несообразность эту замѣтилъ уже и Болтинъ, который, разбирая Леклеркову Русскую исторію, говоритъ между прочимъ, и о нелѣпости перетаскиванія барокъ рычагами черезъ камни:

«Полою водою, которая стоитъ тамъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, проходятъ чрезъ пороги нарочитой величины суда съ грузомъ, безъ большой опасности. Не въ другое, безъ сомнѣнія, время, флотъ Олеговъ и отправленъ былъ, въ разсужденіи намѣреннаго плаванія и времени, къ совершенію онаго потребнаго. Къ przeprowadенію судовъ чрезъ пороги не сила потребна, а искусный лоцманъ, который бы умѣлъ управлять между каменьями судно, быстротою воды стремительно несомое. Когда же по неосторожности или по неискусству управляющаго, приразится барка къ камню или набѣжитъ на оный, тогда ни руки, ни рычаги не сильны будутъ спасти ее отъ разбитія. Удивляюсь странному воображенію ихъ. Какъ можно перетаскивать черезъ каменья барки, посреди быстрого теченія воды въ порогахъ? Какая человѣческая сила можетъ противостоятъ стремленію изливающихся съ крутой покатости ярыхъ волнь? да и какъ могутъ въ такой быстротѣ стоять люди, коимъ ту барку рычагами на камни поднимать должно? Дѣло нестаточное, чудное и неслыханное». (Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генераль-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ. 1788. Т. I, стр. 66—67)

Что суда проходили чрезъ пороги—это фактъ, что они разгружались—и это не подвержено сомнѣнію, но чтобы *плыше люди босыми ногами отыскивали русло въ порогахъ и опирались тамъ шестью*, мнѣ кажется, это чистая фантазія. Пора уже очищать исторію отъ нѣкоторыхъ плевелъ, вкравшихся въ нее вслѣдствіе разныхъ слабостей человѣческихъ. Напримѣръ во многихъ сочиненіяхъ встрѣчается извѣстіе, почерпнутое изъ Боплана, которое и привожу изъ описанія послѣдняго: «У ко-

заковъ есть обычай принимать въ свои круги только того, кто *проплыветъ все пороги противъ теченія* (Описание Украйны, соч. Боплана, переводъ съ французскаго, 1852, стр. 21—22). И вслѣдъ же за этимъ, авторъ очень наивно прибавляетъ: «слѣдовательно и я могъ быть добрымъ козакомъ: впрочемъ только эту славу и приобрѣлъ я отъ сего путешествія».

Вѣроятно существовало у козаковъ какое нибудь испытаніе въ подобномъ родѣ для новичка, но невозможно въ этомъ случаѣ вѣрить Боплану на слово, хотя онъ и пишетъ, что самъ совершилъ подобный подвигъ. *Проплыть все пороги противъ теченія*—значитъ сдѣлать одному 65 верстъ, имѣя на пути 9 пороговъ, изъ которыхъ Ненасытець, на протяженіи версты, имѣетъ болѣе двухъ сажень паденія и 12 уступовъ! Сколько же нужно дней для проплытія такого пространства противъ теченія! Въ настоящее время это физически невозможно и нѣтъ основанія думать, чтобъ было возможно и во времена Боплана. Да и какой новичекъ въ состояніи выказать свою удачу подобнымъ образомъ? Если для проведенія судна чрезъ пороги, внизъ, требуется отъ лоцмана превосходное знаніе мѣстности, проворство и навыкъ владѣть *стерномъ*, отъ лоцмана, съ дѣтства знакомаго съ порогами; если изъ этихъ природныхъ лоцмановъ не каждый въ состояніи управлять судномъ въ порогахъ,—то какимъ же образомъ желающій поступить въ Запорожцы могъ приобрѣтать и этотъ навыкъ, и знаніе фарватера, и высоту воды во всякое время года? Весною вода покрываетъ все почти камни, толчекъ о которые влечетъ за собою крушеніе судна. Но аспиранту значить предстоялъ трудъ гораздо значительнѣе, потому что слѣдовало плыть противъ водопадовъ, хотя и весьма покатыхъ, но тѣмъ не менѣе проносящихся версту въ продолженіи неполныхъ трехъ минутъ, а иногда и скорѣе. Надо видѣть паденіе воды въ порогахъ, и тогда сама собою исчезаетъ вѣра въ подобныя историческія свидѣтельства, повторяемые и считаемыя добрыми людьми непреложною истиной. О весенней водѣ уже и говорить нечего, потому что Днѣпръ въ это время бушуетъ въ порогахъ, но и лѣтомъ, въ межень, нельзя проплыть противъ теченія. Конечно теперь можно взвести лодку по каналамъ, но каналы существуютъ весьма недавно, и гораздо позже чѣмъ плыль Бопланъ, чѣмъ плыль Дмитрій Самозванецъ въ одномъ историческомъ романѣ и позже чѣмъ даже Потемкинъ доказывалъ эту

удачу, по сказанію
валъ многихъ ста
ствѣ подобнаго
говъ, или въ пр
да не увидитъ эт

Имѣя въ виду
приступилъ къ е
разспросовъ у о
скихъ жителей, н
ствомъ. Единоуш
проплыть всехъ
въ иную пору, м
таки перетаскива
баковъ въ Ненасы
нѣсколько опытно
разбираемое извѣ
изученіе мѣстности
му Запорожцу въ
да вѣрный товар
лишь внизъ по
ятіямъ. Запорожц
а спускались вниз
идутъ ихъ внуки.
испытывали въ Га
протяженіи 65 вер
несообразность. К
стахъ порога быва
раться и пѣшкомъ.

О переправѣ чер
писяхъ, но говорит
подробностей указа
ходства въ ту отда
особенныхъ лоцmano
маны? гдѣ жили он
водопадовъ, когда
ловцы. Походы Оле
писаны въ нашихъ
Святослава у порога
раздорами русскихъ

удаль, по сказанію одного почтеннаго историка. Я самъ знавалъ многихъ стариковъ, которые рассказывали о личномъ удалствѣ подобнаго рода, но это были люди или невидавшіе пороги, или въ простотѣ души полагавшіе, что слушатель никогда не увидитъ этой мѣстности.

Имѣя въ виду историческую несообразность, я не прежде приступилъ къ ея опроверженію, какъ послѣ многочисленныхъ разспросовъ у опытныхъ лоцмановъ и у тѣхъ изъ припорожскихъ жителей, которые славятся своимъ удалствомъ и искусствомъ. Единодушные отвѣты убѣдили меня, что невозможно проплыть всѣхъ пороговъ противъ теченія, хотя бы въ иномъ, въ иную пору, можно было пробираться по отмѣтямъ, но все-таки перетаскивая лодку. Одинъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ рыбаковъ въ Ненасытцѣ, доказывающій чудеса ловкости, а также нѣсколько опытныхъ лоцмановъ, окончательно увѣрили меня, что разбираемое извѣстіе—сказка. Сколько же времени нужно на изученіе мѣстности! Да и настояща ли какая крайность каждому Запорожцу въ управленіи челнокомъ *противъ теченія*, когда вѣрный товарищъ у него былъ конь, а на лодкѣ гулялъ онъ лишь внизъ по Днѣпру и на Черномъ морѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Запорожцы, идя вверхъ, обносили свои суда по берегу, а спускались внизъ по старому ходу, по которому и теперь идутъ ихъ внуки. Не спору, что удалство новичка, козаки и испытывали въ Гадючемъ или какомъ другомъ порогѣ, но на протяженіи 65 верстъ и еще противъ теченія—просто вопіющая несообразность. Когда уже вода очень низка, и въ иныхъ мѣстахъ порога бываетъ сухо, то конечно можно тамъ пробираться и пѣшкомъ, но тогда плыть противъ теченія еще труднѣе.

О переправѣ черезъ пороги упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ, но говорится глухо, а это жаль, потому что сообщеніе подробностей указало бы намъ о состояніи славянскаго судоходства въ ту отдаленную эпоху. Не могли же ладьи быть безъ особенныхъ лоцмановъ въ порогахъ, а кто же были эти лоцманы? гдѣ жили они, какъ учились плаванію среди опасныхъ водопадовъ, когда по берегамъ Днѣпра кочевали печенѣги, половцы. Походы Олега и Святослава и торговля по Днѣпру записаны въ нашихъ лѣтописяхъ; мы знаемъ, что печенѣги убили Святослава у пороговъ, что въ 1167 году половцы, пользуясь раздорами русскихъ князей, заняли Днѣпровскіе пороги и такъ

сильно начали тѣснить русскихъ торговцевъ съ Греціею, что князь Ростиславъ былъ вынужденъ выслать противъ нихъ Владислава Ляха, съ отрядомъ воиновъ, который и провель купцовъ чрезъ пороги (Ипатьевская летопись, стр. 95). Но не имѣемъ свѣдѣній современниковъ о подробностяхъ всего этого. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что суда шли тѣмъ же старымъ путемъ, какимъ идутъ и нынѣ съ помощью хорошаго лоцмана.

Императрица Екатерина II обратила вниманіе на важность водянаго сообщенія Днѣпромъ, и тогда же послѣдовали попытки къ улучшенію пути черезъ пороги. Государыня эта, предпринявшая путешествіе по древнему Борисоену, не только собственными глазами видѣла пороги, о которыхъ въ Петербургѣ никто не имѣлъ понятія, но даже присутствовала при переправѣ своей флотиліи чрезъ самый опасный порогъ—Ненасытець. Запорожець Коржъ (устное повѣствованіе) довольно подробно рассказываетъ это путешествіе. Царскія суда проводилъ каменскій житель лоцманъ Полторацкій, который и былъ за то произведенъ въ поручики и назначенъ атаманомъ учредившейся тогда общины Днѣпровскихъ лоцмановъ. Инженеру де-Волану поручено было устроить каналы, что и было исполнено Фалѣевымъ на порогахъ: Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытцѣ. На первомъ и послѣднемъ порогахъ и теперь еще видны слѣды этихъ сооружений, и на первомъ можно даже проплыть въ небольшомъ суднѣ чрезъ Фалѣевскій каналъ, довольно хорошій, но очень узкій. Фалѣевскіе каналы не принесли никакой пользы. Въ 1826 году снова былъ поднятъ этотъ вопросъ, и въ 1855 разрѣшено улучшеніе пути черезъ пороги. Въ настоящее время сооружены всѣ каналы, стоющіе казны, кажется, два милліона, томившіе казенныхъ лоцмановъ изнурительными работами, и, да позволено будетъ сказать, не приносящіе той пользы, какой слѣдовало ожидать отъ подобнаго рода построекъ.

Прежде я считаю необходимымъ рассказать какія суда спускаются чрезъ пороги, и что служитъ предметомъ торговли.

Исключая плотовъ, составляющихъ вмѣстѣ и грузъ и судно, товары сплавляются на судахъ слѣдующаго рода:

- 1) *Барки*, длиною отъ 20 до 22 и даже до 24 сажень, шириною до $7\frac{1}{2}$ саж. и вышиною 1 саж., ходять съ осадкою отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ арш. и поднимаютъ грузъ до 50 т. пудовъ.
- 2) *Барки*, называемыя брянками, длиною отъ 12 до 14 са-

жень, ширины отъ $3\frac{1}{2}$ —4 саж., вышиною до 5 арш., ходять съ осадкою отъ $6\frac{1}{2}$ —7 четвертей и принимаютъ груза отъ 6 до 7 т. пуд.

3) *Байдаки* длиною отъ 15—21 саж., шириною отъ 2 до 4 саж. выотою отъ $1\frac{3}{4}$ —2 арш., ходять съ осадкою отъ $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ арш. и поднимаютъ грузъ до 14 тыс. пуд. Нелѣпаго устройства суда эти, болѣе служащія для взводнаго судоходства, почти выводятся изъ употребленія, измѣнившись въ болѣе удобную форму, т. е. въ слѣдующій видъ:

4) *Берлины*, длиною отъ 12—20 саж., шириною отъ 2— $2\frac{1}{2}$ саж., вышиною 2 арш., сидятъ въ грузу отъ 1— $1\frac{1}{2}$ арш., и поднимаютъ грузъ до 8 тыс. пуд.

Самымъ главнымъ предметомъ днѣпровской судоходной торговли должно считать лѣсъ, сплавляемый по этой рѣкѣ сверху ко всѣмъ среднимъ пристанямъ и преимущественно за пороги. Товаръ этотъ слѣдуетъ и плотами, и на различныхъ судахъ, особенно, если онъ уже обдѣланъ. Лѣсная торговля заслуживаетъ вниманія экономистовъ относительно той страшной дороговизны, съ какою лѣсъ продается, напримѣръ въ Херсонѣ. Въ своемъ мѣстѣ я подробнѣе поговорю объ этомъ. Черезъ пороги идутъ также: деготь, желѣзо, канаты, чугуны, стекло, конопляное сѣмя; въ меньшемъ количествѣ: водка, солодъ, льняное сѣмя, скипидаръ, хрусталь, бумага, стеариновыя свѣчи, медь, цыкорій; сплавляются и водоплавныя мельницы съ приборомъ, жерновые камни, повозки, сани.

При проектѣ устройства каналовъ на порогахъ было цѣлью доставить возможность судамъ и при низкой водѣ безопасно проходить всѣ 9 пороговъ, и тѣмъ самымъ дать большее развитіе днѣпровскому судоходству. Нѣтъ сомнѣнія, при этомъ имѣлась въ виду и цѣль экономическая: доставить понизовью средства получать лѣсъ и дрова по цѣнамъ менѣе отяготительнымъ. Расчетка пороговъ тянулась чрезвычайно медленно, и каналы, поглотившіе милліоны и офиціально кажущіеся отличными, о которыхъ наконецъ говорили очень много, осуществляютъ русскую пословицу: славны бубны за горами! Положеніе ихъ постоянно у лѣваго берега, казавшееся, можетъ быть, полезнымъ при соображеніяхъ, оказывается въ дѣйствительности, какъ говорятъ практики, весьма неудобнымъ собственно потому, что суда должны удаляться отъ фарватера, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ трудомъ попада-

ють въ каналы. Последнее обстоятельство, я полагаю, неизвѣстно читателямъ ни одного періодическаго изданія. Теченіе Днѣпра здѣсь склоняется на правую сторону. Весной, во время разлива, когда воды достаточно, барки идутъ старымъ козачьимъ и разумѣется прежнимъ славянскимъ путемъ, и если только ввѣрены опытному лоцману, благополучно достигаютъ своей цѣли. Лѣтомъ, при упадкѣ воды, большія суда не могутъ уже идти старымъ путемъ, и въ такое-то время, казалось бы, каналы должны были исполнять свое назначеніе; но, къ удивленію читателя, надо сказать правду, что тогда барки не могутъ спускаться чрезъ каналы. Первая и важная причина та, что сооруженія эти удалены отъ фарватера; вторая, не менѣе важная, что они не вездѣ достаточно углублены, а третья, что впереди ихъ не расчищены камни. Но несправедливо было бы сказать, что каналы эти не приносятъ ровно никакой пользы: они полезны для безпрепятственнаго проѣзда, весною, когда еще немного прибыло воды или когда пошла она порядочно на убыль, по нѣкоторымъ изъ нихъ проходятъ барки, если уже въ порогахъ мелко; и наконецъ лѣтомъ при низкой водѣ они служатъ для прогоновъ плотовъ, перевязываемыхъ однакоже въ *торки*, потому что большой плотъ пройти не можетъ. Плоты, какъ извѣстно, состоятъ изъ колодъ, связанныхъ между собою и лежащихъ поперекъ. Въ этомъ положеніи, при огромной длинѣ, плоту невозможно проходить во многихъ мѣстахъ въ мелководье. Лоцманы придумали для этого средство: разобравъ плотъ, они связываютъ нѣсколько колодъ вдоль, и такимъ образомъ составляютъ торокъ, отправляющійся внизъ чрезъ пороги. Но въ большую воду, каналы бесполезны буквально, потому что тогда нѣтъ въ нихъ надобности, и они удалены отъ фарватера.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, читатель наконецъ въ правѣ спросить меня: что же это за каналы, какъ они устроены? Постараюсь дать вамъ о нихъ приблизительное понятіе, но прежде полагаю нужнымъ изъяснить что такое порогъ. Представьте себѣ гряды камней, брошенныя черезъ рѣку отъ берега до берега въ нѣсколько рядовъ, одинъ ниже другаго, и вы будете имѣть понятіе о порогѣ. Стремясь внизъ, вода съ большою быстротою бросается сквозь промежутки этихъ каменьевъ и пѣнится съ оглушающимъ шумомъ. Въ иномъ порогѣ ряды каменныхъ грядъ доходятъ до двѣнадцати. Между этими грядами есть однакоже

мѣста,
зываютъ
ровали
вдоль
нами
цѣлью
себѣ оч
вѣтству
Скол
щихъ с
нець по
ждать,
и безоп
пути, у
козачьим
стоило
бить на
опасных
эти раб
расходи
старого
воду, оп
ные случ
можно у
рахъ, въ
крыться
вблизи же
край, ле
пути, пол
ва, строи
самое жел
отъ дальн
чительно,
необходим
до цѣль б
маться: ка
гдѣ какая
Многіе м
дорогъ отъ

мѣста, гдѣ судно можетъ пройти свободно, и эти-то мѣста называются старымъ или козачьимъ ходомъ. Инженеры проектировали и исполнили расчистку камней на 15 сажень ширины вдоль каждаго порога, обставивъ ее по бокамъ каменными стѣнами и придавъ ей у входа боковые откосы, или крылья, съ цѣлью захватить какъ можно больше теченія. Работы сами по себѣ очень хороши, но, какъ замѣчено выше, не вполне соотвѣтствуютъ цѣли своего назначенія.

Сколько можно судить изъ разсказовъ торговцевъ, сплавляющихъ суда и лѣсъ чрезъ пороги, изъ мнѣній лоцмановъ и наконецъ по личному убѣжденію, кажется, безошибочно можно утверждать, что судоходство чрезъ пороги могло-бы быть свободнымъ и безопаснымъ, если бы наука и искусство были приложены къ пути, указанному самою природою. Оно и естественно: старымъ козачьимъ путемъ суда идутъ безпрепятственно, слѣдовательно стоило бы только суммы, брошенныя на лѣвомъ берегу, употребить на разработку стараго пути и на расчистку нѣкоторыхъ опасныхъ камней между порогами. Мнѣ кажется даже, что на эти работы далеко не потребовалось бы тѣхъ денегъ, какія израсходованы по возведенію настоящихъ сооружений. По расчисткѣ стараго пути не было бы препятствій для сплава въ малую воду, опасность крушеній представляла бы рѣдкіе, исключательные случаи, а торговля не только выиграла бы отъ этого, но можно утвердительно сказать—развилась бы въ большихъ размѣрахъ, въ особенности въ настоящее время при имѣющемъ открыться пароходствѣ въ низовьяхъ Днѣпра и при сооруженіи вблизи желѣзной дороги. И говорить будетъ излишнимъ, что весь край, лежащій ниже пороговъ, ощутилъ бы на себѣ вліяніе этого пути, получая вдвое дешевле такой важный предметъ, какъ дрова, строительные матеріалы, деготь, хозяйственные издѣлія и самое желѣзо, которое у насъ вообще необыкновенно дорого отъ дальней сухопутной перевозки, а въ томъ краю дороже значительно, между тѣмъ какъ оно въ числѣ самыхъ первыхъ и необходимыхъ потребностей. Но лѣсъ и дрова на югѣ доходятъ до цѣнъ баснословныхъ, такъ что иногда серьезно можно задуматься: какимъ образомъ возможно благосостояніе людей тамъ, гдѣ какая нибудь щепка продается чуть не на вѣсь золота?

Многіе мечтали объ обводномъ каналѣ, другіе—о желѣзной дорогѣ отъ Каменки до Кичкаса, но тѣ и другія мечты руши-

лись: первое оттого, что сооружение обводного канала въ кра- жѣ гранита невозможно, а второе оттого, что не окупились бы огромныя издержки, требуемыя для постройки желѣзной доро- ги на такой неровной и овражистой мѣстности. Казалось бы, удобнѣе всего, оставивъ каналы для сплава торковъ по низкой водѣ, расчислить старый козачій путь и, не мечтая о взвод- номъ судоходствѣ, довольствоваться сплавнымъ, ибо вверхъ мо- гутъ идти лишь предметы роскоши, тогда какъ внизъ идутъ предметы первой потребности. Лѣсоразведеніе не получило еще гражданства въ Новороссіи, и хотя многіе утверждаютъ, что деревья не могутъ расти на той почвѣ, однако здѣсь виною безлѣсья единственно—непредпримчивость. Между тѣмъ при малолѣтствѣ, которое само по себѣ требуетъ у хозяина огром- ныхъ издержекъ на наемъ рабочихъ, надобно платить страш- ныя цѣны за все, чего только не производитъ край, начиная отъ доски до гвоздя и до самаго убогаго окошечка въ несчаст- ную землянку. Съ учрежденіемъ постоянного свободнаго судо- ходства чрезъ пороги, многіе капиталы пришли бы въ движе- ніе, и то, что запорожскій житель платитъ нѣсколькимъ моно- полистамъ за одинъ лѣсъ, доставило бы ему средство имѣть и деготь, и желѣзо. Извѣстно, что лѣсопромышленники берутъ за свой товаръ огромные проценты, перейдя пороги, хотя проводъ барки отъ Каменки имъ стоитъ небольшой суммы на наемъ лоцмана, прибавочныхъ, передѣлку *стерна* и отгрузку товаровъ. Расходы эти такъ ничтожны въ сравненіи съ цѣнностью груза, что едва ли составляютъ 2%.

Суда, намѣревающіяся спуститься за пороги, обыкновенно приходятъ въ лоцманскую Каменку и предъявляютъ свои бума- ги въ контору, съ требованіемъ лоцмана. Атаманъ тотчасъ ѣдетъ обмѣрять грузъ и, смотря по горизонту воды, иногда велитъ отгружать судно до извѣстной степени, ибо по водомѣру видно въ какомъ грузу можно безпрепятственно пройти въ порогахъ. Послѣ этого онъ тщательно осматриваетъ якоря, канаты, весла, а главное *стерень* или *стерно* (руль), которое по большей ча- сти тутъ же и придѣлывается на мѣсто прежняго. Неуклюжее это орудіе—единственное средство провести чрезъ пороги бар- ку или берлину, въ свою очередь нелѣпая и неуклюжая, да и наконецъ самое граціозное судно не можетъ здѣсь пройти ина- че какъ подобнымъ стерномъ, состоящимъ изъ мачтоваго дере-

ва, са-
лопастн
обычно
дать т
при б
рачив
плотах
байкам
На
никъ,
скольк
молодо
которы
ему со
во вре
лоцман
еть ег
тиемъ
пороги
маны
что зд
его, тр
на и м
естестве
ченію,
добная
стояніи
послед
употреб
вечего у
каналам
проходят
му они
называет
схватыва
барку пр
ни броси
пускается
Обыкно

ва, сажень въ десять длины, къ которому еще придѣлывается лопасть, или перо, сажени въ четыре. Въ порогахъ бесполезенъ обыкновенный руль, который, вращаясь у самой кормы, можетъ дать только известное направленіе, но не можетъ удержать его при быстротѣ пороговаго теченія; кромѣ того, стерно и поворачиваетъ сильнѣе, имѣя упоръ въ нѣсколькихъ сажняхъ. На плотяхъ находятся по два особенныхъ руля, именуемыхъ бабайками, на каждомъ концѣ.

На судно назначается первостатейный лоцманъ и его помощникъ, и если рабочихъ мало, то хозяинъ обязанъ нанять нѣсколько прибавочныхъ. Иногда, въ случаѣ, если лоцманъ еще молодой, ему придается дядя изъ опытныхъ старыхъ лоцмановъ, который, слѣдя за дѣйствіями молодаго товарища, помогаетъ ему совѣтами и учитъ нѣкоторымъ уловкамъ, приобретеннымъ во время многолѣтняго плаванія. Самъ лихой кормчій, молодой лоцманъ, всегда съ уваженіемъ обращается къ дядѣ и называетъ его по старому козацкому обычаю: батько. Предъ отплытіемъ изъ Каменки, лоцманъ получаетъ приказаніе чрезъ какіе пороги идти каналами, чрезъ какіе старымъ ходомъ. Всѣ лоцманы предпочитаютъ старый козацкій путь, собственно потому, что здѣсь они вездѣ на фарватерѣ: каналы же, устроенные вѣдъ его, требуютъ уже другаго направленія и подвергаютъ лоцмана и мелямъ, и заборамъ, и опаснымъ камнямъ. Оно и очень естественно: отваливъ отъ пристани, барка предоставляется теченію, которое имѣетъ свой опредѣленный путь, а махина, подобная баркѣ, хотя и снабжена десятью веслами, не въ состояніи выполнять, какъ шлюпка, желаній лоцмана, и потому послѣдній, чтобы только попасть въ каналъ, иногда долженъ употреблять огромныя усилія. Впрочемъ, каменскимъ лоцманамъ нечего учиться ловкости и смѣливости: они изучили ходъ по каналамъ и, ловко, съ знаніемъ дѣла, лавируя между камнями, проходятъ благополучно. Имъ опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, ни шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются *полосы* (вѣтеръ), и если такая полоса застигнетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни повернуть, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь....

Обыкновенно предъ отплытіемъ, принявъ барку на свою от-

вѣтственность, лоцманъ возвышаетъ голосъ, переходящій въ тонъ командирскій, и приказываетъ всѣмъ, по малорусскому обычаю, присѣсть на секунду, и потомъ начинаетъ молиться Богу съ колѣнопреклоненіемъ. Суровое, умное лицо лоцмана въ это время выражаетъ такую набожность, такую искреннюю молитву, что всякій прочтетъ въ этихъ чертахъ пламенную преданность Провидѣнію. Всѣ присутствующіе молятся нѣсколько минутъ. При этомъ на нѣкоторыхъ лицахъ видна тревога, по которой можно узнать новичковъ, или *перваковъ*, какъ называютъ ихъ лоцманы. Поднявъ якорь, барка тихо оборачивается, челобѣкъ шесть управляютъ стерномъ по указаніямъ лоцмана, и, смотря по тому—итти ли старымъ путемъ, или въ каналъ—судно принимаетъ направленіе. Поплыли внизъ по теченію; раздается мѣрный ударъ весель; берега начинаютъ уходить назадъ. Раздается команда лоцмана: шабашъ! Весла приподымаются кверху, и судно несется плавно стремленіемъ Дибпра. Здѣсь начинаются разговоры, распросы, но лоцманъ не словоохотенъ; онъ умными своими глазами смотритъ впередъ и, заложивъ руки за спину, дѣлаетъ своему помощнику замѣчанія:

— У велику воду туди лучше (въ большую воду, туда лучше); или: треба держать чердакъ на оттой камінь (надо держать носъ на тотъ камень).

И вотъ опять раздается команда: гребемъ! Веслы снова зашумѣли, барка снова пошла быстрѣе, и передъ вами Кодацкій порогъ, уже мною описанный, котораго вы еще не видите, но присутствіе котораго слышно по шуму и замѣтно по бѣлымъ всплескамъ, подпрыгивающимъ впереди, словно кролики. Если судно идетъ старымъ путемъ, оно направляется болѣе къ правому берегу, если же въ каналъ, то забираетъ далеко влѣво. Каналъ этотъ лучший изъ всѣхъ пороговыхъ сооружений, какъ по своему устройству, такъ и потому, что впереди его нѣтъ затрудненій для судоходства; одно лишь неудобство—заблаговременно сбивать судно съ настоящаго хода и направлять его къ деревнѣ Чаплямъ, что при небольшомъ вѣтеркѣ съ лѣваго берега не такъ-то удобно.

Въ то время, когда пороговое стремленіе подхватитъ судно, лоцманъ командуетъ:

— Шабашъ! Къ стерну!

И гребцы, оставивъ *гребки* (весла) спѣшать на подмости и

станови
концѣ
можно
съ отн
кое з
этимъ
спустит
шающи
— П
говори
Вспл
женіе
— Д
И у
какъ по
Въ к
село, п
ходѣ из
станови
рять Бо
влететь
— Д
Выйда
ся за за
манъ сто
чаю (есл
ный лоц
много.
кутнетъ
чаѣ. Так
по суткам
(водки),
на сушѣ
понынѣ, п
безъ того
это очень
тѣмъ луч
рѣдкимъ и
Ниже К

становятся по обѣимъ сторонамъ стерна, которое въ верхнемъ концѣ имѣетъ нѣсколько небольшихъ жердей для того, чтобъ можно было поворачивать лопасть плашмя при переносѣ стерна съ одной стороны на другую. Здѣсь чувствуется какое то легкое замираніе сердца, что-то въ родѣ испуга, а вмѣстѣ съ этимъ пробѣгаетъ какое-то пріятное ощущеніе, когда чердакъ спустится въ первую пѣну, которая высоко брызжетъ съ оглушающимъ шумомъ. Лоцманъ устремилъ глаза впередъ.

— Придави' ще! ще! (придави еще! еще!) ставь! (ставь!), говоритъ онъ.

Всплески мѣшаютъ слушать; лоцманъ рукою показываетъ движеніе и самъ бросается къ стерну.

— Держи!

И усилія всѣхъ напряжены, и барка несется по уступамъ какъ по стрункѣ.

Въ каналѣ тоже самое, только меньше страха, а также весело, потому что вода несетъ необыкновенно быстро. По выходѣ изъ порога, когда проплыли большое волненіе, лоцманъ становится на колѣни; его примѣру слѣдуютъ всѣ и благодарятъ Бога за благополучную переправу; потомъ кормчій поздравляетъ хозяина и прибавляетъ:

— Дай Боже такъ и до мѣста.

Выйдя на тихую воду, всѣ отдыхаютъ, а гребцы принимаются за завтракъ, потому что до пороговъ еще далеко, но лоцманъ стоитъ у стерна.... Хозяева иногда выносятъ ему стаканъ чаю (если они не евреи), но водку пьютъ развѣ самый отчаянный лоцманъ; да такихъ, сколько могу судить, кажется и немного. Слова нѣтъ, доставивъ судно на мѣсто, иной лоцманъ кутнетъ во всю ивановскую, но въ порогахъ это не въ обычаѣ. Такъ предки ихъ, запорожцы, кутившіе въ Сѣчи иногда по суткамъ безъ просыпу, въ походѣ не употребляли *оковитої* (водки), потому что за пьянство на судахъ топили въ воду, а на сушѣ казнили кїями. Эта козацкая регула сохраняется и понынѣ, по крайней мѣрѣ во время прохода черезъ пороги. Не безъ того, что иной отчаянный лоцманъ идетъ и навеселѣ, но это очень рѣдко, а есть и такіе, которые чѣмъ болѣе навеселѣ, тѣмъ лучше проходятъ пороги. Такихъ однако-же считаютъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Ниже Кодацкаго порога вправо показывается Демскій ост-

ровокъ, а влѣво Носулинь, противъ котораго стоятъ и Носулины камни, довольно замѣтные и въ большую воду. Вообще замѣтные камни уважаются лоцманами, но не любятъ они тѣхъ, которые покрыты водою, потому что чуть легкій вѣтерокъ *поворонитъ*, какъ они выражаются, рѣку, то уже не видно *виру* (стремленія воды сверхъ камня), и надо знать превосходно мѣстность, чтобы миновать подводную опасность. Оба упомянутые островка не представляютъ ничего занимательнаго. Но вотъ немного ниже слѣдуетъ Яцева забора, у Боплана названная порогомъ. Въ изслѣдованіяхъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга, она названа: *Волшиная* или *Яцкая*; а въ древней Россійской гидрографіи по сказкѣ запорожскихъ черкасъ именуется: *Звонцигъ*. Порогомъ называется, какъ мы уже видѣли, сплошная гряда, лежащая чрезъ всю рѣку, а заборой — гряда камней, идущихъ до половины русла, а иногда и болѣе, но оставляющихъ и свободное мѣсто для прохода. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Константинъ Багрянородный не упоминаетъ объ этой заборѣ и считаетъ только 7 пороговъ, тогда какъ Бопланъ насчитываетъ ихъ 15. Здѣсь Днѣпръ поворачиваетъ вправо, и суда плывутъ, какъ называютъ вообще судоходы, на шабашахъ, т. е. уносимыя однимъ теченіемъ безъ помощи *гребокъ*. По обѣ стороны, берега для вида пріятные, но не имѣютъ еще ничего особенно живописнаго. Конечно, кое-гдѣ рошица, кое-гдѣ каменный утесъ придають разнообразіе, но это все не то, чего путешественникъ ожидаетъ отъ пороговъ и чего, безъ сомнѣнія, онъ дождется немного дальше. Но въ этомъ плаваніи много поэзіи. Солнце только что взошло, небо чисто, вѣтеръ не шелохнетъ, и тихое, едва замѣтное движеніе судна не мѣшаетъ туристу сидѣть на верху и пить чай при утренней прохладѣ. Барки въ этомъ мѣстѣ почти всегда плывутъ въ подобную погоду, потому что въ другое время онѣ не трогаются съ мѣста. Я думаю, однакоже, что туристовъ здѣсь не много: по крайней мѣрѣ я, странствуя другое лѣто по днѣпровскимъ побережьямъ и проживая у пороговъ и на порогахъ, не встрѣчалъ никого, кто рѣшился бы проплыть это небольшое пространство въ 65 верстѣ собственно изъ любопытства. Плыли прошлую осенью иностранцы, но эти принадлежали къ компани низоваго пароходства.

Влѣво на горѣ лежитъ село Любимовка, принадлежащее Н. В

Синель
торгов
номъ
можно
какъ
Это та
силь п
ству;
просто
но кра
не оче
можно
налѣво
остана
Днѣпр
глубин
порогъ
минае
торчит
безполе
лоцман
жень,
по-лоц
наго со
чинъ, в
нимъ ст
избѣгат
къ Лоха
странств
полоса,
бы избѣ
мѣстѣ р
владыч
Выйдя
судно по
скомъ по
путь имѣ
ской кар
объяснені

Синельникову, и не представляющее никакого интереса ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ. На противоположномъ берегу поселена нѣмецкая колонія Ямбургъ, и о ней можно сказать только то, что здѣшніе нѣмцы—католики, тогда какъ всѣ прочія колоніи въ краю состоятъ изъ менонистовъ. Это также чисто земледѣльческое селеніе, и должно бы приносить пользу сосѣдямъ, приучая ихъ къ болѣе правильному хозяйству; но подобныя вещи у насъ не перенимаются не только простолюдинами, но и самими помѣщиками. Чистенькая, довольно красивая, эта колонія поселена на самомъ берегу и хотя она не очень близко отъ фарватера, однако же ее очень хорошо можно разсмотрѣть и невооруженными глазами. Далѣе слѣдуетъ налѣво Песковатый островъ, у котораго во время вѣтра, суда останавливаются на якорѣ, а вправо—Сурской, у впаденія въ Днѣбрь Суры, которая большимъ оврагомъ тянется далеко въ глубину степи. Ближе оконечности острова начинается Сурской порогъ, именуемый также и въ другихъ петочникахъ, и неупоминаемый у Константина Багрянороднаго. Къ лѣвому берегу торчитъ одна стѣнка бывшаго канала, а другая разобрана по безполезности; суда идутъ старымъ ходомъ безъ особыхъ усилій лоцмана, потому что это порогъ неопасный. Длина его 50 сажень, паденіе 5 фута 6 дюймовъ. Въ немъ два уступа, или по-лоцмански двѣ лавы: *Чаунная* и *Бондарева*. Остатокъ каменнаго сооруженія не тронуть, не знаю для какихъ именно причинъ, но онъ вѣроятно необходимъ для успешнаго плаванія. За нимъ стоятъ камни Герницевы, которыхъ лоцманы стараются избѣгать также какъ и другихъ камней Колесниковъ, и спѣшатъ къ Лоханскому порогу, отстоящему на полверсты; на этомъ пространствѣ невозможно уже бросить якоря, и еслибы захватила *полоса*, необходимо употребить всю опытность и искусство, чтобы избѣжать крушенія. Между этими порогами, на живописномъ мѣстѣ расположено село Волошское, населенное еще во времена владычества запорожцевъ, о которомъ скажу немного ниже.

Выйдя изъ Сурскаго порога и миновавъ означенные камни, судно по фарватеру забираетъ влѣво на старый путь въ Лоханскомъ порогѣ. Это единственный порогъ, въ которомъ старый путь имѣетъ направленіе къ лѣвому берегу. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и въ изслѣдованіяхъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга, онъ названъ

Лоханскимъ, въ древней Россійской Идрографіи по сказкѣ Запорожскихъ Черкасъ—Лоханнымъ, у Константина же Багрянороднаго, по-славянски—*Островуни прагъ*, а по русски—*Ульворси* (?). Понятно, что славяне могли называть его, положимъ, *островный прагъ*, потому что среди порога есть островъ Кулика, но откуда взялось русское названіе *Ульворси*—покрыто мракомъ неизвѣстности, точно также какъ и прочія русскія названія пороговъ, приводимыя этимъ историкомъ, которыя составляютъ лишь наборъ гласныхъ и согласныхъ, неимѣющихъ по-русски никакого смысла. Не были-ль эти слова какой другой національности? Каналъ сдѣланъ на островѣ, упоминаемомъ мною, и до того неудобень, что барки рѣшительно въ него не ходятъ, развѣ послѣдуетъ строжайшее приказаніе начальства, но и подобныя приказанія уже не отдаются, потому что попасть въ каналъ необыкновенно трудно. Лоханскій порогъ опасень, имѣетъ длины 200 сажень, паденія 1 сажень 2 ф. и 2 дюйма; въ немъ три лавы: *Куликовская*, *Плоская*, и *Черепашина*. Проходъ его впрочемъ довольно прямой. Гряды валуновъ потянулся онъ къ самому селу Волошскому, близъ котораго торчатъ большіе камни Бuzдыгановы, и у самага же праваго берега возлѣ водяныхъ мельницъ существуетъ небольшой проходъ, очень узкій.

Село Волошское, раскинувшееся въ долину надъ двумя порогами, очень живописно по своему мѣстоположенію. Населилось оно первоначально волошскими семействами, а впоследствии въ него пришло много малорусовъ, преимущественно изъ Полтавской губерніи, заходили сюда и крестьяне Кіевской и Волынской. Волохи впрочемъ и теперь держатся прежняго селища и занимаютъ средину деревни около церкви. Народъ хорошій, съ успѣхомъ занимающийся земледѣліемъ, но преимущественно славящійся умѣньемъ быстро и отлично стричь испанскихъ овецъ. Искусство ихъ славится далеко, такъ что многіе кушцы и помѣщики приглашаютъ ихъ не только въ дальніе уѣзды Екатеринославской губерніи, но и въ Полтавскую и Херсонскую. Одинъ волохъ въ продолженіе весенняго дня можетъ остричь до 70 штукъ овецъ. Многіе изъ нихъ отправляются также въ лодманскую Каменку и нанимаются въ прибавочные для провода плотовъ чрезъ пороги, почему довольно хорошо знаютъ эту мѣстность. Волохи одѣваются въ малорусскій костюмъ; волошки тоже, но выйдя замужъ, носятъ на головѣ покрывало, которое,

обмотавъ два раза, завязываютъ подъ подбородкомъ и выпускаютъ одинъ конецъ позади до талии. Женщины и дѣвушки носятъ много монистъ, любятъ вышитые рукава у рубашекъ разноцвѣтною бумагою и ходятъ очень опрятно. Въ избахъ соблюдается возможная чистота, и вездѣ, даже у самыхъ бѣдныхъ, множество подушекъ и самодѣльныхъ ковровъ. Сосуды и утварь малорусскіе, исключая нѣкоторыхъ ремесленныхъ принадлежностей, въ которыхъ упорно удерживается заднѣпровскій характеръ. Молдавскій языкъ не забытъ ни сколько, но все знаютъ по-малорусски, точно также какъ и большая часть малорусовъ говорить по молдавски. Рыбной ловлей жители занимаются лишь для своего обихода, употребляя простыя обыкновенныя орудія.

Положеніе села чрезвычайно живописно, въ особенности нижняя часть его, окружающая огромную отдѣльную скалу, упирающуюся съ сѣвера въ Лоханскій порогъ и одѣтую съ этой стороны большихъ размѣровъ глыбами гранита. На самомъ верху тоже разбросаны громадныя камни, и оттуда превосходный видъ на оба порога и на окрестности. Мнѣ кажется, еслибы красота видовъ села Волошкаго была извѣстна, многіе проѣзжающіе сворачивали бы сюда изъ Екатеринослава нарочно для того, чтобы полюбоваться интересной мѣстностью. Кое-гдѣ по скалѣ разбросаны небольшіе курганчики, изрытые искателями кладовъ. Южный бокъ этой скалы огибаетъ оврагъ, на противоположной сторонѣ котораго высится такой же вышины гора, одѣтая гранитомъ. Въ послѣдней, подъ однимъ камнемъ есть пещера, по словамъ мѣстныхъ жителей, проникающая въ глубину сажень на десять. Говорятъ, что тамъ ничего нѣтъ, но что очень сыро и холодно. Бывая въ Волошскомъ, я хотѣлъ осмотрѣть эту пещеру, но проникнуть могъ лишь аршина два, а дальнѣйшій входъ засоренъ такъ, что требовалось бы много хлопотъ. Въ другое время эти хлопоты меня не испугали бы, но имѣя въ виду совершенно другія занятія и тѣмъ болѣе живя на порогахъ, я употреблялъ все свое время на плаваніе между камнями, въ обществѣ рыбаковъ—мѣстныхъ лоцмановъ, что было мнѣ необходимо для основательнаго изученія мѣстности. Объ этой пещерѣ рассказываютъ, что въ ней жилъ когда-то змѣй, пожиравшій людей—сказка, повторяющаяся во многихъ мѣстахъ и, къ сожалѣнію, лишенная всякихъ подробностей. Отдѣленная отъ этой скалы небольшимъ протокомъ, возвышается у Стрѣльчей за-

боры, на Днѣпрѣ, Стрѣлицкая скаля. Это красивый утесъ, брошенный въ рѣку въ массѣ прочихъ каменьевъ. На немъ однако же растутъ осокоры, бузина, шиповникъ, и въ настоящее время оба кустарника въ полномъ цвѣту, что придаетъ этой скалѣ много живописности. На поверхности ея нѣсколько могильныхъ насыпей, разрытыхъ, разумѣется, искателями кладовъ. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, находки состоятъ изъ польскихъ монетъ, но ихъ трудно достать, потому что крестьяне боятся всякаго прѣзжаго, видя въ немъ чиновника, и ужъ не знаю, что разумѣя подъ этимъ; по крайней мѣрѣ я испыталъ это на себѣ: что ни спросишь съѣстнаго у хозяйекъ въ деревняхъ — масла, молока, яицъ, курицу, всегда одинъ отвѣтъ: пошлите къ сосѣдямъ, можетъ быть и дадутъ. Но если предпослать предисловіе, что за все будетъ заплачено, съѣстные припасы являются въ изобиліи, и хозяйка сама предлагаетъ услуги сварить обѣдъ.

— Отчего же ты отказывала сперва? спрашиваешь иную хозяйку.

— Боялась, пане, что не дадите грошей.

И за этимъ слѣдуетъ исчисленіе сколько уже взялъ продуктовъ старшина или соцкій для проѣзжихъ пановъ и проч.

Съ древностями еще труднѣе: крестьянинъ скорѣе отдастъ рѣдкую монету еврею за безцѣнокъ, нежели принесетъ тому, кого считаетъ онъ чиновникомъ, изъ боязни, не знаю на чемъ основанной, что у него отберутъ и начнутъ еще спрашивать: гдѣ и когда нашель, не скрылъ ли чего, какъ смѣлъ? и т. п.

Не такъ еще давно прибережья Волошскаго были покрыты большимъ лѣсомъ, что и теперь замѣтно по остаткамъ деревьевъ и по окрестнымъ балкамъ, въ которыхъ произрастаютъ дубъ, берестъ, разумѣется въ маломъ количествѣ и довольно плохого качества. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія это была глушь. Мнѣ рассказывали, что бывало изъ Екатеринослава, который тогда только что возникалъ и въ которомъ въ то время полиція была также дѣятельна какъ и нынѣ, арестанты уходили очень часто изъ острога и разбойничали по деревнямъ. Волохи лѣтомъ обыкновенно въ отсутствіи, а въ селѣ оставались одни женщины, и довольно было показаться двумъ, тремъ перебритымъ головамъ, чтобы привести въ ужасъ все селеніе. Пользуясь этимъ, бродяги взимали огромную контрибуцію, иногда безчинствовали,

и обр
бычей
нѣтъ,
нимат
повсе
шего
Не
потому
въ про
слѣ до
умолчу
шенія
въ дер
же сов
Остава
данное
Объявл
куриль
— В
одни му
Я со
— П
родъ да
грубый;
мешь! Н
питанъ
росписку
Я отвѣ
ственник
немогу по
— Не
Вручив
дѣ, что б
нался при
шалъ въ
— Стар
— Здѣ
— Тотч
братъ густ

и обремененные поживой отправлялись въ другія мѣста за добычей. Со временемъ все измѣнилось; прежнихъ разбойниковъ нѣтъ, но контрибуціи, тѣ или другія, будутъ еще долго принимать различныя формы для поживы на счетъ ближняго, пока повсемѣстное образованіе не уврачуесть нѣкоторыхъ болѣзней нашего общественнаго быта.

Не могу не привести здѣсь одной встрѣчи въ селѣ Волошскомъ, потому что это грустный фактъ, къ сожалѣнію еще водящійся въ провинціи. Не успѣлъ я войти въ избу и переодѣться по слѣдъ дороги, какъ является господинъ въ поношенномъ пальто, умоляющій какой формы. Стараясь въ моемъ путешествіи имѣть сношенія лишь съ простолюдинами, я не слишкомъ люблю заводить въ деревняхъ знакомства съ людьми подобнаго покроя, однако же совѣстно было показать гостю, что визитъ его неумѣстенъ. Оставалось лишь изобрѣсти средство какъ бы сократить неожиданное посѣщеніе. Гость мой самъ помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ. Объявляя при входѣ чинъ и фамилію, онъ прежде меня уже закурилъ сигару.

— Вижу, что вамъ мѣшаю, сказалъ онъ, но знаете—скука, одни мужики дурачье-съ... съ ума сойдешь.

Я собирался отвѣчать.

— Присланъ сюда на слѣдствіе, продолжалъ онъ, знаете, городъ далеко; издержался; здѣсь, скажу вамъ, подлецы, народъ грубый; съѣстнаго еще и такъ, и сякъ, а ужъ денегъ не возмешь! Не то, что бывало въ старину, какъ рассказываетъ капитанъ N. N. Не можете-ли вы одолжить скольконибудь подъ росписку! Я постараюсь отслужить.

Я отвѣчалъ нецеремонному господину, что самъ я путешественникъ и при томъ человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, что немогу помочь, а бездѣлицу предложить совѣстно.

— Не беспокойтесь, всемъ буду доволенъ.

Вручивъ поскорѣе своему гостю рубль серебромъ, въ надеждѣ, что буду дня на два избавленъ отъ его посѣщенія, я принялся приводить въ порядокъ свои замѣтки. Черезъ часъ я услышалъ въ сѣняхъ громкій повелительный голосъ недавняго гостя.

— Старшина и соцкій здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчали ему.

— Тотчасъ, чтобы были двѣ курицы, масло, да сливокъ собрать густыхъ! Слышишь.

— Чую.

— Вы должны угостить маіора.

— Та мы жъ для васъ уже добули.

— То для меня, болванъ, а это для пріѣзжаго! Развѣ маленькая деревня, не можете собрать такихъ пустяковъ, каналии? Шевелись у меня, не то, знаешь, я по военному.

Я отворилъ дверь на этотъ шумъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ старшинѣ, что для меня ничего не нужно.

— Вы, маіоръ (не знаю уже почему новый знакомецъ счелъ меня маіоромъ), слишкомъ снисходительны съ этими канальями, ихъ надобно по шеѣ. Вотъ вчера ночевалъ здѣсь капитанъ, такъ тотъ не долго думалъ, старшину въ морду, и все было готово. Для васъ же хлопочу.

Поблагодаривъ за хлопоты, я тутъ же изъяснилъ строгому господину, что во-первыхъ не имѣю права драться съ кѣмъ бы то ни было, а во-вторыхъ считаю это недостойнымъ порядочнаго человѣка.

— Удивляюсь, прибавилъ я, какимъ образомъ можно позволить себѣ подобное обращеніе.

— У насъ, маіоръ, по военному.

Напрасно было бы убѣждать, что ни военный, ни статскій чиновникъ не имѣютъ права требовать ничего безденежно и еще посредствомъ кулака: собесѣдникъ мой былъ на-веселѣ, и я только просилъ его обо мнѣ не беспокоиться.

Вечеромъ уже поздно этотъ господинъ снова явился ко мнѣ съ очень радостной физиономіей. Я запечатывалъ письма, которыя съ разсвѣтомъ надо было послать за двадцать верстъ на почту.

— Поздравляю, маіоръ!

— Сдѣлайте одолженіе, не придавайте мнѣ этого чина.

— Виновать, подполковникъ! позвольте сигару. Поздравляю.

Не желая останавливать развязнаго господина, который началъ бы называть меня генераломъ, и давая сигару, я изъяснилъ удивленіе по случаю поздняго визита.

— Съ чѣмъ же вы меня поздравляете?

— Получилъ извѣстіе, что завтра въ восемь часовъ будетъ слѣдователь. Теперь вы мнѣ можете до утра одолжить три рубля, и вотъ росписка.

При этомъ гость положилъ мнѣ на столъ клочекъ бумаги.

— Росписку можете взять, денег у меня нѣтъ, и я буду васъ покорнѣйше просить оставить меня въ покоѣ.

— Ахъ, подполковникъ, мнѣ очень нужно. Ужъ за процентъ я вамъ услужилъ бы.

При этомъ онъ мнѣ сдѣлалъ одно предложеніе, прибавивъ, что капитанъ за подобную услугу, далъ ему денегъ. Съ чрезвычайно грустнымъ чувствомъ я настоятельно просилъ оставить меня въ покоѣ, и по выходѣ безцеремоннаго господина слышалъ какъ онъ въ сѣняхъ совѣтовалъ моему Ивану утащить у меня десятокъ сигаръ, обѣщая за это на выпивку.

Такъ вотъ какія личности попадаютъ еще въ форменныхъ пальто и въ фуражкахъ съ кокардами.

Но возвратимся къ Лоханскому порогу. По выходѣ изъ него, судно нѣкоторое время качается большимъ волненіемъ, а потомъ идетъ покойно, минуя Стрѣльчую забору, которая нѣсколькими рядами каменьевъ идетъ отъ праваго берега къ лѣвому. На послѣднемъ, у прибрежной роши, именуемой Дубровою, находится лѣсная пристань, заведенная двумя помѣщиками лѣсныхъ губерній, но перешедшая нынѣ во власть екатеринославскихъ монополистовъ, которые употребляли всѣ извѣстныя имъ уловки, чтобы отбить охоту у помѣщиковъ заниматься лѣсною торговлей. Здѣсь же пристають суда и плоты во время катастрофы или ненастной погоды. Немного ниже, у той же самой дубровы лежитъ на берегу огромной величины камень въ родѣ крыши, называемый Богатырь. Вы думаете онъ называется такъ по своей необычайной величинѣ? Нѣтъ, взгляните на противоположный берегъ и вы увидите на небольшомъ разстояніи отъ него въ водѣ другой такой же громадный камень, носящій такое же названіе. Послѣдній лежитъ ниже Стрѣлицкой скели. Объ этихъ богатыряхъ у лоцмановъ и окрестныхъ жителей ходитъ темное преданіе. Была какая-то битва или, лучше сказать единоборство между двумя богатырями, изъ которыхъ нашъ стоялъ на правомъ, а непріятельскій (турецкій, какъ говорятъ береговые жители) на лѣвомъ берегу Днѣпра. Герои выбрали по гранитной глыбѣ одинаковой величины и рѣшили кто переброситъ камень черезъ рѣку, тотъ и побѣдитель. Нашъ видно былъ посильнѣе, потому что и въ порядочную воду его камень стоитъ на берегу въ дубровѣ, а вражескій богатырь не могъ добросить, и его камень очутился въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ берега. Не намекъ ли

это на какую нибудь битву, память о которой, переходя по преданіямъ, утратилась въ наше время и оставила лишь темную молву для догадокъ. Само собою, упоминаніе жителями о богатырѣ турецкомъ приведено лишь для того, чтобы показать какъ въ наше время искажаются преданія. Но каждый разъ, какъ проѣзжаю здѣсь, я думаю, что эти громадныя камни служатъ не даромъ основаніемъ темной молвы и намекаютъ можетъ быть объ отчаянной битвѣ славянской дружины съ печенѣжской. Не смотря на то, что надъ селомъ Волошскимъ въ степи были изслѣдованы курганы, мнѣ кажется, не мѣшало бы вскрыть еще нѣсколько насыпей на прибрежныхъ скалахъ въ сосѣдствѣ праваго богатыря, и вообще тщательно изслѣдовать все это прибрежье. Жаль, что такая полезная наука какъ археологія, отъ которой мы вправѣ ожидать многого для отечественной исторіи, не оцѣнена еще у насъ достаточно, и частныя люди, обладающіе большими средствами, не помогають ей пожертвованіемъ значительныхъ суммъ для ученыхъ изслѣдованій. Но я увлекаюсь предметомъ, столь близкимъ моему сердцу, и забываю о баркѣ, выплывшей изъ Лоханскаго порога и слѣдующей вдоль Дубровы. Здѣсь рѣка дѣлаетъ легкій поворотъ вправо, имѣя двѣ заборы на близкомъ разстояніи, и судно, проплывъ версть пять по довольно пустынной мѣстности, подходитъ къ Звонецкому порогу. Онъ также названъ и на гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Звонецъ или Звонецкій, по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Русской исторіи Лерберга; Стрѣльчій въ древней Россійской Идрографіи по сказкѣ Запорожскихъ черкасъ, и по русски *Геландри* (?) у Константина Багрянороднаго. Въ Звонецкомъ четыре лавы: плоская, черная, глухая, кобылина. Длина 125 сажень, наденіе 4 фута 9 дюймовъ. Каналъ устроенъ порядочный и въ него попасть можно безъ затрудненія. Ниже порога въ 100 саженьяхъ отъ праваго берега вдается въ рѣку огромный гранитный утесъ, стѣсняющій ее до 500 сажень. На лѣвомъ берегу, подалѣе въ глубину—деревня помѣщика Миклашевскаго и владеніе въ Днѣпрѣ рѣчки Вороной, а направо на берегу село Звонецкое. Жители послѣдняго собственно хлѣбопашцы и ловлей рыбы занимаются весьма немногіе, для удовлетворенія личной надобности. Въ Звонецкомъ живетъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, который помнитъ первое населеніе и путешествіе Императрицы Екатерины. Сначала онъ неразговорчивъ и его

надо наводить на рассказы, но потомъ, мало по малу, онъ выходитъ изъ обычной апатіи и рассказываетъ нѣкоторыя подробности. Иныя свѣдѣнія довольно любопытны. По его словамъ въ старомъ Кодакѣ, въ городкѣ, стояла пушка и на высокомъ столбѣ былъ привѣшенъ колоколь. Чуть показывались гдѣ нибудь татары, сторожевой палилъ изъ пушки и звонилъ въ колоколь. Народъ, гдѣ бы ни былъ въ полѣ на работѣ, тотчасъ уходилъ съ поля и скрывался по балкамъ и лѣсистымъ оврагамъ. Въ то время *війя* (дышло у воловьей повозки) придѣлывалось съ обѣихъ сторонъ къ возу, для того, чтобы при тревогѣ нечего было хлопотать поворачивать возъ, а скорѣе надо было хватать воловъ и запрягать съ той стороны, съ какой удобнѣе. Много зналъ старикъ и запорожцевъ, но болѣе уже *лугарей*, т. е. козаковъ, оставшихся въ краю, нигдѣ не поселившихся и занимавшихся вольнымъ промысломъ, разбоемъ. Бывало, такой лугарь, воткнувъ гдѣ нибудь копье на курганѣ, вблизи дороги, привяжетъ лошадь у дерева и ложится спать или курить люльку. Каждый проѣзжій обязанъ былъ положить возлѣ копья какую нибудь дань и могъ смѣло отправляться своей дорогой, не боясь уже преслѣдованія; но не положившій ничего, рисковалъ не только быть ограбленнымъ, но иногда и убитымъ.

На одномъ берегу съ Звонецкимъ лежитъ островъ Шулаевъ противъ небольшой деревеньки Алексѣевки. Ниже устья рѣки Вороной, Днѣпръ расширяется, обтекая довольно большой островъ Козловъ—официально и Козловъ по народному говору. Фарватеръ идетъ по лѣвую сторону и здѣсь же удобное мѣсто для стоянки судовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ фарватеръ во времена Боплана былъ или мелокъ, или даже и вовсе неудобенъ, потому что забора по правую сторону Козлова острова названа порогомъ. По гидрографической картѣ тоже названа она: порогъ *Технинскій* и показана 4 фута 2 дюйма паденія; по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга, это порогъ Тихнинскій или Княгининъ (?), а по древней Россійской гидрографіи по сказкѣ Запорожскихъ Черкасъ: Княгининъ. Въ настоящее время это забора Тягинская, названная по имени балки, впадающей здѣсь съ правой стороны и далеко въ степи известной подъ именемъ Тягинки. Переименованное названіе объясняется тѣмъ, что Бопланъ, по свойству всѣхъ французовъ коверкать русскія слова, Тягинку назвалъ Технинкой, а что касается до

древней Россійской гидрографіи, то хотя она и написана по сказкѣ *Запорожскихъ Черкасъ*, однако въ тѣ времена любили передѣлывать малорусскія названія. Да и въ позднѣйшія времена мы видимъ, что официальные лица мало обращаютъ вниманія на названіе мѣстностей. Напримѣръ, село Кодакъ (у перваго порога), слывшее всегда и слывающее нынѣ у мѣстныхъ жителей подъ этимъ именемъ, официально сдѣлалось *Кайдаки*, на какомъ основаніи неизвѣстно, и даже я слышалъ недавно, какъ одинъ господинъ сдѣлалъ замѣчаніе сыну, который, по примѣру мѣстныхъ жителей, назвалъ означенное село Кодакомъ, что это нелѣпо, а должно и говорить, и писать *Кайдаки*, какъ пишется въ бумагахъ.

Но какимъ же образомъ Тягинская забора, представлявшая во времена Боплана порядочный порогъ въ четыре слишкомъ фута паденія, мѣшавшій судоходству, не была извѣстна прежнимъ историкамъ? Неужели нынѣшній путь, существовавшій во времена Константина Багрянороднаго, былъ неудобенъ около половины XVII столѣтія? Остается одно предположеніе, что русло, сильно засорившись наноснымъ пескомъ въ какое нибудь необыкновенное половодье, долго ожидало подобнаго же случая для очистки. А Тягинская забора ниже Шулаева острова представляетъ большое препятствіе для судоходства. Она состоитъ изъ большихъ камней, изъ которыхъ *Каравель* не покрывается и большою водою, въ половодье однакожь черезъ нее идутъ плоты. Забора эта шумитъ какъ и порогъ.

Барки постоянно огибаютъ Козловъ островъ слѣва. Суда, слѣдующія одиноко, или какъ говорятъ лоцманы, *въ прямую*, запасаются достаточнымъ числомъ людей еще въ Каменкѣ и минуя при благоприятной погодѣ острова, идутъ къ Ненасытцу, а барки, идущія *перепустомъ*, соблюдаютъ слѣдующее правило. Если плыветъ двѣ барки одного хозяина, то находящаяся впереди, бросаетъ якорь или у Козлова, или у Ткачева острова (лѣвѣ) и высылаетъ обоимъ лоцмановъ и нѣсколько членовъ вѣкъ коренныхъ—баркѣ, плывущей позади, которая, принявъ подобреніе, спускается къ порогу. Здѣсь всѣ творятъ краткую, но пламенную молитву. За островами теченіе воды довольно быстро и несетъ судно къ старому проходу, не требуя отъ лоцмана особыхъ усилій. Страшный шумъ, зачастую слышимый еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ

знать о близости *Дьда*, какъ называютъ лоцманы *Ненасытець*, и *вскорѣ*, вправо, показываются огромные всплески волнь, бьющихся бѣлой пѣной между камнями. Оба берега скалисты.

— Готовь відра, конопатки! Къ стерну! вскрикиваетъ лоцманъ и становится у стерна, за которое ухватилось человѣкъ двадцать людей, готовыхъ исполнять малѣйшее его приказаніе.

Всплески виднѣе и слышнѣе.... Барка проплываетъ *Раковъ* камень.... Порогъ показался весь покрытый *букомъ* (пѣной). *Ненасытець*, по гидрографической картѣ *Днѣпровскихъ* пороговъ и по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи *Лерберга*—*Ненасытецкій*, по древней Россійской Идрографіи *Неасытецъ*, и у *Константина Багрянороднаго* по словянски *Неаситъ*, а по-русски *Ауфаръ* (?), имѣеть въ длину 645 сажени, паденія 2 сажени 5 дюйма. Состоить онъ изъ 12 лавъ, которыя очень ясно обозначаются пѣнистыми рядами: *Рваная*, *Служба*, *Остренькая*, *Одинцовская*, *Рогожная*, *Буравленая*, *Бургарская*, или *Булгарская*, *Довгополая*, *Казенцова*, *Мокрая* *Клади* и *Рогатая*. Эти лавы болѣе извѣстны по номерамъ 1, 2 и т. д., а названы по камнямъ въ нихъ попадающимся, извѣстнымъ по какому нибудь обстоятельству. Нѣтъ сомнѣнія, что иныя изъ названій и древнія—остатки отъ запорожцевъ, а другія произошли отъ именъ позднѣйшихъ лоцмановъ, потерпѣвшихъ крушеніе.

Оставляя вправо около прохода *Рваный* камень, управляемая искуснымъ лоцманомъ, барка бросается съ первой лавы, и въ этомъ омутѣ, въ этомъ страшномъ шумѣ *Днѣпра*, бьющагося межъ камнями, не всегда слышна команда лоцмана, который движеніемъ показываетъ направленіе и изъ всѣхъ силъ кричитъ: *держи!* если нужно держать стерно неподвижно. Съ уступа на уступъ несетъ барка естественнымъ фарватеромъ, повинуюсь могучему стерну, и пробѣгаетъ порогъ почти въ три минуты; въ это время она гнется, скрыпитъ и иногда словно стонетъ. Волненіе страшное, всплески, въ особенности въ послѣдней лавѣ, схватываются на чердакъ и обливаютъ.... Но вотъ она на вольной водѣ и снова всѣ становятся на колѣни благодарить Бога.... Если барка грузна, т. е. немного переходитъ мѣру, то въ одной лавѣ она тронется о *Зеленый* камень, который однако же для лоцмановъ считается большимъ пріятелемъ, ибо онъ такого устройства, что если даже днище барки и загремитъ на его

поверхности, то вреда никакого не будетъ; но пониже есть камень, называемый *Крутъко*, который, зацѣпивъ барку, окрутить ее; при чемъ иногда вышибается стерно, и тогда гибель неизбѣжна. Бросивъ якорь ниже, у Голодайки или у Песковатаго острова, лоцманы и весь народъ, необходимый для другой барки, ѣдутъ на лодкѣ до берега и пѣшкомъ отправляются къ оставленному судну, которое переправляютъ такимъ же образомъ. Это называется идти *перепустомъ*.

Когда вода не такъ еще велика, то лоцманы получаютъ приказаніе идти въ каналъ. Для этого, обогнувъ Козловъ, они стараются выгрести съ фарватера влѣво. Съ цѣлью сдѣлать входъ въ каналъ болѣе удобнымъ, инженерное вѣдомство перерѣзало островки и сдѣлало расчистку саженьяхъ въ двадцати передъ каналомъ, оградивъ ее тоже стѣнками. Плыть по этой расчисткѣ хорошо, но при концѣ ея лоцману предстоитъ гораздо болѣе затрудненія, чѣмъ при входѣ въ самый порогъ. Каналъ, устроенный у лѣваго берега, значить не на фарватерѣ, вслѣдствіе неизвѣстно какихъ соображеній, лежитъ прямой линіей чрезъ весь порогъ, имѣя большія крылья при входѣ для захвата большого количества воды. Расчистка помогаетъ судну не сбиться съ направленія, но между этой расчисткой и правымъ крыломъ канала дѣлается большой напоръ воды съ Днѣпра, стремящейся въ этотъ промежутокъ, такъ что лоцманъ долженъ со всевозможными усиліями выгребаться, чтобы не быть отнесеннымъ на лѣвое крыло, гдѣ, конечно, нѣтъ уже спасенія. Обыкновенно идутъ въ тихую погоду, но стоить при входѣ въ расчистку подняться вѣтерку съ праваго берега,—и барка не попадетъ въ каналъ. По каналу спускъ удобенъ, только въ двухъ мѣстахъ онъ мелковать, по причинѣ сплошныхъ скалъ, которыхъ, какъ говорятъ, расчистить не было возможности. На щекухѣ (названіе изъ приличія, потому что народъ произноситъ немного иначе) непрерывно обдастъ васъ волною. По выходѣ же изъ канала, лоцмана ожидаетъ Воронова забора, на которой ничего нѣтъ легче потерпѣть крушеніе, ибо новый фарватеръ не прочищенъ. Правда, инженерное вѣдомство соорудило отъ лѣваго берега откосъ съ цѣлью отвести воду по направленію на старый ходъ, но Днѣпръ не слушается, и судамъ, плывущимъ черезъ каналъ, должно лавировать между частыми и опасными камнями. Прекрасный по своему сооруженію Ненасытецкій каналъ, по кото-

рому барка бѣжитъ менѣе 5 минутъ, имѣеть очень важныя неудобства: первое то, что устроенъ онъ совершенно не на мѣстѣ, чему служить доказательствомъ затруднительный входъ при порядочной водѣ, а второе, что не расчищена забора при выходѣ.

Порога этого нельзя такъ скоро оставить по многимъ причинамъ; въ немъ столько любопытнаго, что ему можно посвятить нѣсколько страницъ. У Ненасытца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣлствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по побережью и ждущіе ученыхъ изслѣдованій. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса *Монастырька*, который перерѣзанъ Фалѣевскимъ каналомъ (шлюзами), существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъ-этажная мельница, можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія, одно, что сюда сходила Императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы бѣли здѣсь кашу, сидя надъ самымъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли какъ у ногъ ихъ било плоты о каменя. Отчего мисокъ этотъ названъ Монастырькомъ—неизвѣстно. Походилъ ли онъ въ прежнемъ видѣ на монастырь или дѣйствительно на немъ стоялъ какой нибудь монашескій скитъ? Форма его была та же и до устройства канала, а что касается до существованія церкви,—объ этомъ не упоминается нигдѣ ни въ преданіяхъ, ни въ отысканномъ запорожскомъ архивѣ. Объ углубленіяхъ въ камнѣ тоже нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни у лоцмановъ, ни у мѣстныхъ обитателей, поселенныхъ впрочемъ здѣсь недавно. Вообще обо всемъ, касающемся пороговъ, надо преимущественнѣе спрашивать у лоцмановъ, которые, считая ихъ какъ бы своею собственностью, знаютъ болѣе или менѣе и ихъ исторію. Жители Ненасытца называютъ Монастырькомъ группу камней, лежащихъ ниже островка, на которомъ построена мельница. Еще ниже при концѣ порога есть мѣсто, обставленное гранитами, въ которые вода ударяетъ съ необыкновенною силою, образуя пучину, называемую лоцманами—*некло* (адъ). Если по несчастному

случаю сюда попадаетъ плоть, то разбивается въ куски. Обь этомъ неклѣ существуетъ поговорка: *попавсь у пекло, буде йому холодно й тепло!*

Камни близъ хода называются всѣ почти также, какъ и лавы, происхожденіе которыхъ упомянуто выше. Миѣ хотѣлось однакоже узнать отчего во второй лавѣ два камня названы *службами*? Послѣ долгихъ распросовъ мое любопытство было удовлетворено. Камни эти имѣютъ видъ опрокинутыхъ сосудовъ, и вода, переливаясь чрезъ нихъ, будто звонитъ *до службы* (къ обѣднѣ). Вотъ отчего произошло подобное названіе еще у запорожцевъ. Съ Монастырька, а лучше всего сверху горы видъ на порогъ превосходный, гдѣ Ненасытець представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ то особенно; порою случается слышать въ его гулъ необыкновенно дикіе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода чрезъ каменья. Тогда сильно реветъ какая нибудь забора, или Тягинка или Кривая. Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду.

Сверху и снизу порога во время навигаціи стоятъ спасительныя *дубы* (большія лодки) съ очередными лоцманами, которыхъ обязанность во время несчастія подавать поснѣшную помощь погибающимъ. И лоцманы исполняютъ свою обязанность съ изумительнымъ самоотверженіемъ. Пишу это не со словъ савомовидцевъ, а разсказываю то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Верхній дубъ не только спасаетъ потерпѣвшихъ крушеніе въ порогѣ, но если только очередные лоцманы замѣтятъ, что плоть сбилось вѣтромъ съ ходу, что онъ плыветъ прямо на камни, то тогда же гребутъ къ плоту и сымаютъ людей и ихъ одежду. Случается, что плоть зацѣпляется въ самомъ порогѣ о камни, и его бьетъ на какой нибудь лавѣ. Картина ужасная: связки разрываются, толстыя бревна ломаются какъ щенки, и тутъ-то бедолюдямъ предстоитъ гибель какъ отъ воды, такъ и отъ разбивающагося лѣса. Спасители спускаются внизъ и схватываютъ погибающихъ, то ловя ихъ въ пучинахъ, то снимая съ камней. Нижній дубъ, въ случаѣ крушенія ближе къ выходу, употребляетъ бляя усилія, выгребаетъ въ отмыты (*одмитъ*), и старается съ своей стороны спасти бѣдствующихъ. Не дальше какъ нѣсколькимъ ко дней тому назадъ било огромную барку въ Ненасытцѣ. Страш-

но было смотрѣть.... Она задержалась на *мокрыхъ кладяхъ*: носъ вошелъ въ пучину, люди держались на кормѣ, а вокругъ такіе буруны и всплески, что трудно составить себѣ о нихъ понятіе. Всплески и буруны эти называются у лодмановъ *грозою*, и мнѣ кажется, что удивительно мѣтко подобное названіе. Верхнему дубу нельзя было *напуститься*, потому что онъ не могъ бы удержаться по быстротѣ водопада, а нижній, сколько ни употреблялъ усилій, не могъ выгрести,—его захлестывало волною. Сквозь пыль этой *грозы* я видѣлъ только благородныя головы лодмановъ, спѣшившихъ на помощь, и отчаянную фигуру рулевого въ черной бараньей шапкѣ, стоявшаго у своего мѣста.... Погибавшіе бросили однако же бревно, привязавъ его къ веревкѣ, схватясь за которую, спасители подтянулись къ баркѣ и начали снимать людей....

При раскопкѣ у лѣваго берега Майстрова островка для описанной выше расчистки, найдены были, по словамъ инженеръ-капитана С....ки, древніе сосуды, золотыя монеты и *какія-то каменныя орудія*. Ничего изъ этихъ вещей мнѣ не удалось видѣть, потому что онѣ разошлись по рукамъ, и я могу передать только слышанное. Монеты, какъ говорятъ, были времени Константина Багрянороднаго. Офицеръ, присутствовавшій при работахъ, видѣлъ какъ показался въ землѣ глиняный сосудъ, но какъ его въ это время отозвали, и онъ не былъ археологомъ, то, оставя эту находку, онъ пошелъ повидаться съ кѣмъ-то изъ товарищей. По приходѣ его, сосудъ уже былъ раздробленъ и оставалось нѣсколько лишь монетъ. Каменныя орудія походили, говорятъ, не то на топоры, не то на лопатки, и взяты были кое-кѣмъ изъ *любопытства*. Найденъ также большой сосудъ, совершенно цѣлый, неизвѣстно гдѣ теперь находящійся. Вотъ все, что удалось мнѣ узнать, къ сожалѣнію очень поздно. Гдѣ эти находки? представлены ли онѣ куда нибудь? или онѣ обогатили темное собраніе какого нибудь темнаго любителя старины, изъ которыхъ иной съ гордостью указываетъ на свои *рѣдкости*, не подозревая даже, что для подобныхъ рѣдкостей существуетъ наука! У такихъ любителей главное монеты, которымъ ведется счетъ, а о прочихъ предметахъ они выражаются: и раз-той мелочи столько-то ящиковъ!

По правой сторонѣ порога на берегу лежитъ село Николаевка, имѣніе помѣщика П. В. Синельникова, которому принадлежитъ

также и село Васильевка, расположенное против на лѣвомъ берегу Днѣпра. Значить, г. Синельниковъ владѣлецъ Ненасытцакаго порога. Въ Николаевѣ, на мысѣ, на которомъ нѣкогда была укрѣпленный городокъ, расположена красивая господская усадьба съ тѣнистымъ садомъ и всеми хозяйственными принадлежностями. По обѣимъ сторонамъ холма на берегу раскинулась Николаевка, населенная малорусами, разумѣется выходцами изъ-за Днѣпра. Во все время поѣздокъ моихъ по этой рѣкѣ я встречалъ немного селеній, гдѣ крестьяне жили бы въ подобномъ довольствѣ, можно сказать, роскоши. Только здѣсь и у барона Штиглица я видѣлъ такой превосходный бытъ крестьянъ. Что за избы, что за постройки! Все это изъ дебелаго прочнаго лѣса и сдѣлано, что называется, капитально; вездѣ каждая штука вытесывалась и выпиливалась изъ цѣльнаго куска, а не то что сколочена изъ какихъ попало обрубковъ. А въ избахъ какой просторъ, чистота, сколько свѣту, какъ все прибрано, уставлено, съ какимъ щегольствомъ развѣшана богатая крестьянская одежда. Пища ихъ такая, что не каждый чиновникъ имѣетъ подобный обѣдъ и не у одного помѣщика кормили меня значительно хуже чѣмъ у крестьянъ въ Ненасытцѣ. Это утѣшительно и вмѣстѣ грустно—отчего же у другихъ владѣльцевъ на томъ же самомъ Днѣпрѣ крестьяне живутъ совершенно иначе! Конечно, кромѣ заботливости помѣщика о своихъ крестьянахъ, кромѣ умѣнья его быть богатымъ безъ отягощенія тѣхъ, кто для него трудится, жители Николаевки, каждую весну и лѣто имѣютъ посторонніе источники заработка. *Дрьдъ* очень грозенъ, и не безъ того, чтобы не пострадало на немъ нѣсколько судовъ, нѣсколько плотовъ; даже плоты и суда, разбитые выше, приплываютъ къ Ненасытцу. Береговые жители непрерывно занимаются выгрузкою, ловлею лѣса или товаровъ, перегрузкою, получая за это весьма хорошую плату. Описывать ихъ нравы и обычаи было бы повторять сказанное мною въ статьѣ о бытѣ приднѣпровскаго крестьянина. Они ни въ чемъ не разнятся отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, исключая, что на водѣ удаче всѣхъ прочихъ припорожескихъ жителей, потому что живутъ у самаго грознаго и опаснаго порога. Дѣтьми они играютъ при шумѣ этой *грозы*, и впоследствии нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ главней на Днѣпрѣ ловъ осетровъ, и помѣщикъ имѣетъ отъ этой

статьи х
говцамъ,
Но ра
вились
уходить
Самецъ
ихъ об
осетры
хранені
ный ры
или под
Осетров
сѣтями.
снурки
другаго
ревку п
къ кам
образом
стигая
осетръ
уставля
затрудн
ихъ ры
маться
что для
уловъ х
съ март
осетров
здѣсь н
пищѣ;
Дере
на так
имѣетъ
много з
хлѣбона
дамъ, д
дасть в
по моем
Для мен

статьи хорошей доходъ, сбывая рыбу екатеринославскимъ торговцамъ, которые сами прѣзжаютъ за этимъ въ Ненасытець.

Но рассказамъ рыбаковъ, до устройства канала, осетры ловились гораздо въ большемъ количествѣ, а теперь много ихъ уходитъ вверхъ по каналу и преимущественно самые большіе. Самецъ называется здѣсь *спичакъ*, а самка *кашница*. Ловятъ ихъ обыкновенно въ порогѣ между скалами на *одміяхъ*, гдѣ осетры любятъ отдыхать, словно ведомые инстинктомъ самосохраненія, въ мѣста недоступныя для преслѣдованія. Но безстрашный рыбакъ не пугается грозы: онъ или напускается сверху, или подтягивается снизу, но непременно найдетъ свою добычу. Осетровъ здѣсь ловятъ двоякимъ образомъ, или на крючки или сѣтями. Къ веревкѣ, нѣсколькихъ сажень длины, привязываются шурки въ аршинъ длиною и на разстояніи аршина одинъ отъ другаго: къ этимъ шуркамъ прицѣпляются острые крючья. Веревку посредствомъ тяжести опускаютъ ко дну и прицѣпляютъ къ камнямъ, а возлѣ крючьевъ подвѣшиваютъ полавки такимъ образомъ, чтобы они стояли перпендикулярно, далеко не достигая поверхности. *Одмѣть* — мѣсто болѣе или менѣе тихое, гдѣ осетръ любитъ поплавать и конечно попадаетъ на крючья. Сѣти улавлять гораздо труднѣе, однако же рыбаки преодолеваютъ затрудненія. Замѣчательно, что помѣщикъ, желая поощрять своихъ рыбаковъ и во вниманіе къ ихъ ловкости и искусству заниматься промысломъ въ порогѣ, отдаетъ имъ половину выручки, что для крестьянина составляетъ очень большую сумму, и если уловъ хорошъ, то онъ обезпечиваетъ всѣ его нужды. Ловля идетъ съ марта до половины мая. Въ хорошей годъ ловится до 250 осетровъ, но до устройства канала ловилось вдвое. Другой рыбы здѣсь немного, и она служитъ лишь подспорьемъ крестьянской пищѣ; ловлей же для продажи не занимаются.

Деревня Васильевка, находящаяся на лѣвомъ берегу, выстроена также хорошо и народъ живетъ достаточно, но конечно не имѣетъ всѣхъ тѣхъ способовъ, какіе предоставлены Николаевкѣ: много значитъ отсутствіе пристани. Жители успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, что, удовлетворяя ихъ нуждамъ, даетъ еще имъ и средства къ довольству. Разумное управленіе даетъ возможность крестьянамъ сдѣлаться зажиточными, а это, по моему, главное условіе для благосостоянія самого помѣщика. Для меня было истиннымъ удовольствіемъ входить въ крестьян-

скія хаты въ Ненасытцѣ и видѣтъ какъ народъ живетъ припѣ-
ваючи, что, право, случается довольно рѣдко. Вѣдь больше та-
кихъ имѣній, гдѣ и помѣщикъ не получаетъ того, что слѣдуетъ,
да и крестьяне нуждаются въ самомъ необходимомъ.

Но пора въ дорогу.

Плав

П
Гол
го е
детс
рега
по в
на П
усту
шена
лава
кана
густь
ѣзду
стоя
ѣли
дубъ
шлом
много
обык
для о
или н
тоже
раго,
бродят